

ФИЛОСОФСКИЙ НОМИНАЛИЗМ И НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ СУБЪЕКТИВНОСТИ

О.А. Верещагин

Статья посвящена анализу форм и моделей субъективности, воспроизводимых постмодернистскими практиками «критического чтения» и находящих поддержку в неолиберальных политико-социальных концепциях. Распространенный в интеллектуальной среде Запада философский номинализм склонен интерпретировать различные значения субъективности, в том числе и субъективности социальной, в качестве релятивных форм культурно-языковой практики. Субстанциальность, «вещность», культурная гомогенность отнесены современными идеологами неолиберализма в разряд наследия традиционалистской «агрессивной архаики». Автор предлагает рассматривать процесс «развеществления» всех фоновых социальных значений в общем контексте кризиса традиционной социально-антропологической парадигмы.

Субъект-объектная оппозиция выступала фундаментальным гештальтом классической ментальности. Деструкция модернистской ментальности, намеченная в постмодернистских дискурсивных практиках, связана с программой «развеществления» всех фоновых субстанциальных значений, с их последовательной децентрацией. Стратегия децентрации задает ряд семантико-аксиологических векторов философствования, находясь внутри которых практически невозможно задать жесткую дихотомию субъекта и объекта. Отказ от традиционной оппозиции субъекта и объекта в постмодерне формирует особый опыт по десубъективации и деобъективации философского знания.

Опыт десубъективации нашел воплощение в современном философском номинализме, который в своей основе является апологетическим по отношению к неолиберальным социально-политическим моделям.

Ю. Хабермас [1], следуя максимально либеральным канонам современной социальной теории, предлагает модель автономного индивида в качестве единственной социальной реальности, которую необходимо и возможно учитывать при изучении общества. Представление об обществе суверенных автономных индивидов, слагаемых социального взаимодействия, вырастающих в неустойчивые «консенсусные общности», считается общепризнанным в рамках неолиберальной теории и в рамках постмодернистского движения, которому указанный автор пытается оппонировать. Постмодернистские дискурсивные практики старательно избегают таких традиционных типов социальности, как народ и нация. В семантике этих понятий они усматривают агрессивно-традиционное наследие архаики. Используемый постмодернистами и неолибералами концепт самодостаточной и самопроизвольной индивидуальности постоянно высвечивает в понятии «народ» (и обозначаемой им реальности) все новые признаки агрессивной архаики, не совместимой с либеральными ценностями. Так народ из естественной и самодостаточной субстанции, которая прежде просто не ставилась под сомнение, превращается в сложную составную конструкцию, подлежащую последовательной «деконструкции». Постмодернисты предпочитают говорить не о народе как о субстанции, а о лингвистическом аппарате, используемом для передачи данной смысловой категории. Дальше пойти они сознательно пойти не могут – им не позволяют предписания современной профессиональной культуры.

В этой связи можно специально отметить исключительно номиналистическую интерпретацию базовых типов социальности, исключительно номиналистский характер философствования современных апологетов неолиберализма. Ф. Анкерсмит [2] называет постмодернистскую философию истории – «номиналистической версией историзма» [3].

Существующий сегодня философский номинализм сознательно противопоставляет себя субстанциализму, поэтому не приемлет любых форм тотальности, коллективности и единства. Философия номинализма утверждает, что реально существуют лишь отдельные единицы, а общее (в том числе человеческое общество) – это всего лишь сумма отдельного, то есть становится общепризнанной идея фрагментированности социокультурного поля мира.

Начало антисубстанциалистскому движению было положено в работах Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, а наиболее полное развитие идея «развеществления», или «децентрации», нашла в творчестве Ж. Деррида.

Размышляя о природе и статусе знака в западной метафизике Ж. Деррида [4] приходит к выводу, что интеллигибельное лицо знака повернуто к лицу и слову самого Бога, к многовековой онтологической западной традиции. Гипотеза о «трансцендентальном означаемом» – фундаментальная и общая гипотеза всех дискурсов знака. Именно эта гипотеза позволяет выносить область языкового значения за пределы самого языка, обращаться к внешнему архетипу порядка, Референту, Другому. Эффект децентрации позволяет переосмыслить логику референции и соотнести ее с логикой различия. Именно различие и создает значимость. Нет никакого противоречия, логика референции не противостоит логике различия. Идентификация присутственности предмета и вещи возможна лишь в структуре различий. Референция и есть процесс «опространствования», интервал, промежуток, размещение, разбивка и расстановка. Из подобных размышлений Деррида рождается пантекстуальная и интертекстуальная философская альтернатива.

Становится совершенно очевидным, что понимание и представление мира как текста, как означающей структуры и есть последовательная номиналистическая интерпретация реальности, связанная с феноменом интертекстуальности. Кредо современной философии истории формулирует Ф.Р. Анкерсмит, полагающий, что историю нужно видеть нарративистски, то есть представлять ее в пределах и границах «...интертекстуального взаимодействия между историческими нарративами...» [5].

Практика деконструкции требует отказа от субстанциалистского подхода к реальности, поэтому и не приемлет такие субстанциальные социальные формы, как класс, народ, нация. Последовательно либеральная точка зрения состоит в том, чтобы на место народа как субстанциональной общности, являющейся исторической и моральной «данностью» для всякого, к нему принадлежащего, поставить понятие интерсубъективности – общности, поминутно рождаемой (и поминутно «перерешаемой») в ходе коммуникационного процесса между автономными индивидами.

В ряде работ для характеристики постмодернистской социальной и исторической теории используется понятие интересубъекта – субъекта интертекста, который становится главным объектом анализа в рамках постмодернистской философии истории и главным актором разыгрываемой сегодня историко-социальной драмы. Каков же онтологический и эпистемологический статус интересубъекта? Ответ на этот вопрос связан с

особенностями постмодернистской интерпретации таких понятий, как объект и объективность.

Следует отметить, что объективность в качестве эпистемологической категории максимально проблематизирована в дискурсе постмодерна. Предложено интересубъективное обоснование истины и объективности, то есть истинность и объективность обеспечивается интересубъективным консенсусом нескольких субъектов. Постмодернисты предпочитают говорить о заранее выбранном режиме истины, как это делает М. Фуко, или о «временных контрактах», как это представляет Ж.-Ф. Лиотар, считая, подобно Ж. Бодрийяру, что научное знание развивается согласно конвенциональной логике.

А. Панарин [6] считает, что конвенционализм столь же необходим в идеологически близких постмодернизму либеральных социальных теориях. Демократия – это система, которая подменяет понятие объективной истины понятием согласованного мнения, конвенции. Вот как представлено кредо новой либеральной теории во взглядах отечественного исследователя: «Единственно приемлемыми должно считать те социальные связи и соглашения, которые каждым участником приняты вполне добровольно и сознательно, с учетом возможного баланса личных обретений и издержек... Здесь-то и проявляется коренное отличие либерального понятия гражданского общества от нелиберального понятия общности соотечественников или народа. Граждане сознательно, с учетом критериев личной выгоды конструируют социальную реальность, тогда как соотечественники ее наследуют. В одном случае на передний план выступает личный выбор, в другом – коллективная судьба. Там – рассудочно-эгоистическое начало, здесь – иррационально-жертвенное» [7].

Симуляционное пространство современной культуры с главенствующей для него конструкционистской гипотезой утверждает вторичность всех понятий и категорий, отменяя концепты реального и реальности. Историографическая гиперреальность возникает как результат непрочного консенсуса между нарративными интерпретациями, ее идентификация носит всецело интертекстуальный характер. Как полагают постмодернисты, традиционное мировидение и мировоззрение связаны с метафизической по своей сути верой в реальность.

Феномен веры в реальность хорошо препарирован французским мыслителем Г. Башляром [8], пытавшимся отрефлексировать идею реальности и идентифицировать функциональные характеристики реального. Метафизическая вера в реальность основана на «...убеждении в том, что сущность превосходит свою непосредственную данность, или, если выразиться яснее, убеждение в том, что можно обнаружить гораздо больше в скрытой реальности, чем в очевидно данной...» [9]. В постмодернистских практиках последовательно проводится тезис об инструментальной и конвенциональной природе концепта «реальность», реальность – это то, что соответствует конвенциональным представлениям о реальности вместе с соответствующими смысловыми коннотациями. Актуальный и понятный для нас концепт «реальности» есть эффект реальности, воспроизводимый специфическими дискурсивными средствами и доступными для нашего восприятия идеологическими кодами. По сути, в обществах «консенсусного типа» и не может быть одной реальности, ведь это не соответствует плюрализму и множественности картин мира. Подобный взгляд на реальность проецируется и на сферу нравственности и морали, на сферу

универсальных общечеловеческих ценностей. Вместо единой морали возникает настоящая конкуренция моральных картин мира.

Модель децентрированного субъекта, субъекта в процессе, расщепленного субъекта, которую используют для характеристики постмодернистского интересубъекта, не предполагает единство ценностей, единство этических и моральных императивов и в действительности реализует духовные, а иногда и бездуховные (постчеловеческие) практики плюралистической космополитичной цивилизации. Для интересубъекта нет и не может быть универсальных ценностей, ведь они не являются предметом его личного выбора. Способен ли интересубъект вообще на какой-либо выбор, ведь его сознание ему не принадлежит, оно всецело растворено в панъязыковой или пантекстуальной стихии, в текстах-сознаниях интересубъекта культуры. Не случайно, что постмодернисты вынуждены признавать субстанциональный статус лишь за языком, то есть пытаются утвердить в современном сознании идею «безлюдности» культурного ландшафта.

Современные авторы употребляют термин «развеществление» для характеристики результатов процесса децентрации, произведенного постмодернистскими дискурсивными практиками. В частности, используется понятие «развеществление» всех фоновых значений, то есть всех тех смыслов и сущностей, которые принимались в рамках традиционной культуры априорно и безоговорочно. Подвижность значений в сети означающих, само понятие плавающего означающего (в лакановском смысле) стало возможным в ситуации утраты «трансцендентального означаемого» или всех тех внешних архетипов порядка, которые существовали в качестве интегрирующих социальных скреп. Антисубстанционализм разворачивает перед нами программу «развеществления» всех фоновых значений, то есть переводит эти значения из безусловного статуса молчаливо принимаемого наследия в статус наследия, принимаемого лишь по «здравым индивидуальным размышлениям», – при условии, если меня лично это наследие устраивает и не стесняет.

Программа «развеществления» всех фоновых значений, намеченная в деконструкции, разрушает целостность автономного субъекта, поскольку, как показал Ю. Хабермас, «целостность отдельного субъекта права не может быть гарантирована без охраны того интересубъективного разделенного контекста опыта и жизни, в котором он был социализирован и сформировал свою тождественность» [10].

Немецкий исследователь постулирует ситуацию фонового контекста: люди свободно конкурируют, сталкивая и сопоставляя любые мыслимые практики, но на фоне фактически усвоенного ими предшествующего культурного и морального опыта. В связи с этим можно увязать представление о необходимости реабилитации субъекта лишь в контексте воссоздания универсального исторического горизонта, базирующегося на принципах, создающих тот самый интересубъективный разделенный, то есть совместный или коллективный контекст опыта и жизни.

Л и т е р а т у р а

1. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.

2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
3. Там же. С. 280.
4. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. – СПб.: Академический проект, 1999. – 208 с.
5. Анкерсмит Ф.Р. Указ. соч. С. 176.
6. См.: Панарин А. Испытание глобализмом. – М.: Российский национальный фонд, 2000. – 378 с.
7. Панарин А. Указ. соч. С. 78.
8. Башляр Г. Новый рационализм. – М.: Прогресс, 1987. – 374 с.
9. Там же. С. 49.
10. Хабермас Ю. Указ. соч. С. 357–358.

The article describes analysis of forms and models of subjectivity. These forms and models are reproduced by the postmodernity practical «critical reading» persons. They are (forms and models of the subjectivity) are supported by neoliberal and social conceptions also. Philosophic nominalism (which is well known in intellectual society of the West) explains the different meanings of the subjectivity including the social subjectivity as relative cultural and lingual forms. Substantial matter, cultural homogeneity are considered by the modern scientists as an inheritance of «aggressive archaic». The author offers to consider the process of disintegration and subdividing in the context of crisis for traditional social and anthropological paradigm.